

У выдающегося русского литератора Владислава Ходасевича были весьма сложные национальные и религиозные корни. Он родился в семье поляка Фелициана Ивановича Ходасевича и еврейки Софьи Яковлевны Ходасевич, урожденной Брафман.

Прадед поэта Александр Брафман был раввином, а дед Яков Брафман после 34 лет пребывания в иудаизме перешёл в православие, и, как это часто случается с неопитами, стал не только ярким приверженцем христианства, но и злейшим врагом иудаизма и отъявленным антисемитом. В 1869 году он написал «Книгу Кагала», которая и по сей день, наряду с «Протоколами сионских мудрецов» является любимым произведением юдофобов. Будучи новоявленным представителем православия, Яков Брафман, тем не менее, свою дочь отдал на воспитание в польскую семью, где она стала ревностной католичкой. Дядя поэта по материнской линии, православный Александр Брафман продолжил дело своего отца, выпустив расширенное и дополненное издание «Книги кагала» в 1888 году. Будущий поэт Владислав Ходасевич был крещён в католическом храме.

Казалось бы, такие сложные национальные и религиозные предпосылки должны были привести, если не к юдофобии, то, по крайней мере, к индифферентности по этой проблеме.

Помимо семейных обстоятельств, на отношение Владислава Ходасевича к евреям мог повлиять и Валерий Брюсов. Дело в том, что в московской гимназии Владислав был одноклассником младшего брата Валерия Брюсова – Александра, и, часто бывая в семье уже знаменитого поэта и эпатажного антисемита, мог попасть под влияние его взглядов. Но не попал. Более того, начиная с юных лет, с симпатией и сочувствием относился к евреям. Об этом, в частности, свидетельствует и дружба с поэтом Самуилом Киссиным (литературный псевдоним – Муни). В 1926 году, уже четыре года находясь в эмиграции, Владислав Ходасевич напишет тёплые слова об их молодости: «Мы прожили в таком верном братстве, в такой тесной любви, которая теперь кажется мне чудесною».

С именами Самуила Киссина и Валерия Брюсова связана давняя история, рассказанная Владиславом Ходасевичем спустя 30 лет в эмиграции. В своей замечательной книге «Некрополь. Воспоминания» он так характеризует Брюсова: «Он был антисемит. Когда одна из его сестёр выходила замуж за С. В. Киссина, еврея, он не только наотрез отказался присутствовать на свадьбе, но и не поздравил молодых, а впоследствии ни разу не переступил их порога. Это было в 1909 году.

К 1914-му отношения несколько сгладились. Мобилизованный Самуил Викторович очутился чиновником санитарного ведомства в той самой Варшаве, где Брюсов жил в качестве военного корреспондента. Они иногда видались. После неудачи московского юбилея Брюсов решил отпраздновать его хоть в Варшаве. Какие-то польские писатели согласились его чествовать. Впоследствии он рассказал мне: «Поляки – антисемиты куда более последовательные, чем я. Когда они хотели меня чествовать, я пригласил, было, Самуила Викторовича, но они вычеркнули его из списка, говоря, что с евреем за стол не сядут. Пришлось отказаться от удовольствия видеть Самуила Викторовича на моем юбилее, хоть я даже указывал, что всё-таки он мой родственник и поэт. Отказаться от удовольствия справить юбилей он не мог»».

Справедливости ради, следует указать, что со временем антисемитизм В. Брюсова значительно поугас, но реакция В. Ходасевича на действия своего бывшего литературного кумира и учителя весьма показательна.

Сочувственное отношение к евреям у В. Ходасевича усилилось с началом Первой мировой войны, когда с большей интенсивностью стали проявляться антисемитские настроения, особенно

в прифронтовой полосе. Поэт весьма своеобразно откликнулся на эти события. Весной 1915 года, накануне праздника Пасхи, в Москве были организованы благотворительные выставки-продажи, в частности, выставка пасхальных яиц, кукол, картин. В ней приняли участие известные художники и писатели. В. Ходасевич сделал надпись на пасхальных яйцах с таким призывом:

На новом радостном пути,
Поляк, не унижай еврея:
Ты был, как он, ты стал сильнее,
Своё минувшее в нём чтит.

Следует, однако, подчеркнуть, что еврейские мотивы, хотя и имели место в творчестве поэта (стихи «Слёзы Рахели», «Моисей» и др.), всё-таки случались эпизодически. Наиболее полно эта тема звучала у В. Ходасевича в предэмиграционные и эмиграционные годы, причём не как у автора-поэта, а как у переводчика, критика и мемуариста.

Началом этой работы следует считать сентябрь 1917 года. Именно в это время еврейский общественный деятель, литератор Лейб Яффе, основавший в Москве издательство «Сафрут» (литература), задумал издать сборник еврейских поэтов, писавших на иврите, в переводах на русский язык: «Я искал русского поэта, который стал бы сотрудничать со мной в издании антологии еврейской поэзии в русских переводах и отредактировал бы книгу с точки зрения русского языка. Михаил Гершензон, знаменитый исследователь и русский литератор, познакомил меня с Владиславом Ходасевичем, талантливым поэтом, прекрасным стилистом и отличным переводчиком, занимавшим видное место в русской поэзии. Тот согласился на моё предложение, и мы приступили к работе». Несмотря на трудные времена, работа по переводу и составлению сборника продвигалась успешно. Л. Яффе так рассказывает об этом: «Мы работали ежедневно по несколько часов – долгих часов. Случалось, что Ходасевич приходил ко мне, однако, как правило, мы работали у него, в одном из московских переулков, в тесной и убогой квартире подвального этажа. Ходасевич садился против меня, сутулый, с худым и болезненным лицом. Лишь глаза лучились светом разума и душевного волнения. Мы читали подстрочники и решали, кому из поэтов давать стихотворение для перевода; читали также литературные переводы, которые уже были перед нами. Переговоры с русскими поэтами вёл я.

Ходасевич всем своим существом проникал в тайники еврейской поэзии и скоро сделался в ней своим. Он и сам перевёл стихи Фришмана, Черниховского, Фихмана, Шнеура и Шимоновича. Эти переводы он подписывал своим именем либо псевдонимом – Маслов. Особенно ему нравилось переводить идиллии Черниховского. Он умел передать их особый дух, особое чувство бытия».

Книга под названием «Еврейская антология. Сборник молодой еврейской поэзии» вышла в свет в июле 1918 года, и тираж её был сразу раскуплен. Быстро разошлось и второе издание книги. А вот третье издание выпустить в России не удалось, поскольку оба редактора эмигрировали. Л. Яффе осуществил свою давнюю мечту и уехал в Палестину, а В. Ходасевич был вынужден уехать в Европу, сначала в Германию, после в Италию и Францию.

В 1922 году Л. Яффе получил письмо от В. Ходасевича, где, среди прочего, были и такие слова: «И знаете ли, как бесконечно радовала и утешала меня мысль, что, наконец-то, для Вас осуществилась самая дорогая Ваша мечта и что Вы можете жить в своей Палестине и делать своё заветное, любимое дело... я знаю, что на пути Вашего дела уже встречались и ещё встретятся тяжкие затруднения, – но всё-таки меня радует, что Вы теперь можете служить ему безраздельно. Много раз вспоминали мы Вас вместе с Гершензоном – и Вам завидовали». И в приписке к письму он добавляет:

«Эх, если бы у меня когда-нибудь оказались деньги – как бы я съездил в Палестину!».

Слова о «тяжких затруднениях» оказались, к несчастью, пророческими и в смысле тех дел, которыми занимался Лейб (в России его звали Львом Борисовичем) Яффе, и в его личной судьбе – в 1948 году он погиб в Иерусалиме от бомбы, подложенной арабскими террористами. Он всего два месяца не дожил до создания государства Израиль.

Будучи в эмиграции, В. Ходасевич выпустил книгу своих переводов еврейских поэтов. В предисловии книги он написал: «Мне случилось перевести довольно много стихов для так называемых “инородческих” сборников: еврейских, армянских, латышских, финских. Творчество поэтов, пишущих в настоящее время на древнееврейском языке, оказалось для меня наиболее ценным и близким».

В 1922 году в Берлине В. Ходасевич встретился с приехавшим туда Шаулем Черниховским и очень интересно рассказал и о самом поэте, и о его творческой манере. Ходасевичу, в частности,

нравилось, что, повествуя о самых обыденных сторонах жизни еврейских местечек, Черниховский пользуется таким старинным и редко применяемым размером, как гекзаметр. Позднее, в 1924 году эти впечатления от встречи были опубликованы Ходасевичем в берлинской «Еврейской газете». Переводы В. Ходасевича были исполнены мастерски, несмотря на разнообразие строфики, размеров, системы рифмовки оригиналов. Вот, к примеру, отрывок из стихотворения Давида Фришмана «Для Мессии»:

В вышнем небе херувимы,
Молчаливы и незримы,
Труд святой подъяли.
Перед Господом они —
Радость! радость! — все они
Всемером предстали.

А это — образец творчества Авраама Бен-Ицхака — стихотворение «Элул в аллее»:

Свет воздушный, // свет прозрачный//
пал к моим стопам //Тени мягко,//
тени томно // льнут к сырым тропам//
В обнажённых // протрубил
в свой рог...// Лист последний,
покружившись, //на дорожку// лёг.

Из идиллии Шаула Черниховского «Элькина свадьба»:

Снова большой балаган наполнился шумом и гамом,
Снова большие столы скатертями накрыли; подносы
Ставили с разной едой, и блюда, и тарелки с закуской.
Много тут пряников было, и разных печений, и водки,
Ибо с вечерней молитвы в тот день прихожане Подовки
Не разбрелись, как всегда, по домам, а зашли к Мордехаю:
Женщины, дети, мужчины, — вся община в полном составе.

Интерес к еврейской истории, культуре и литературе Владислав Ходасевич сохранил до своих последних дней. Ему принадлежат замечательные воспоминания о поэте Муни, общественном деятеле и литераторе М. Гершензоне, о классиках еврейской литературы Х. Бялик и Ш. Черниховском, о прозаике и драматурге С. Юшкевиче. Все эти работы могут служить образцами мемуарного жанра.

В. Ходасевич внимательно следил за жизнью евреев в Палестине и Советском Союзе. Когда в 1929 году в Иерусалиме произошли беспорядки, связанные с выступлениями арабов против евреев, советский поэт Илья Сельвинский написал маленькую поэму «От Палестины до Биробиджана», которая была опубликована в поэтическом сборнике «Декларация прав» в 1933 году. В ней И. Сельвинский в пропагандистских целях противопоставляет Биробиджан Палестине, отдавая предпочтение первому. Владислав Ходасевич выступил в защиту Палестины, как национального очага евреев. Дальнейший ход истории только подтвердил пророческую правоту эмигранта. До самых последних дней поэт, переводчик, критик, мемуарист Владислав Ходасевич сохранил интерес к древней и молодой еврейской литературе.

Смерть его резкой болью отозвалась в сердцах многих, кто знал этого замечательного человека. В своём очерке, посвящённом памяти В. Ходасевича, Лейб Яффе писал: «С любовью и грустью мы склоняем головы над далёкой могилой сына чужого народа, который был другом еврейской поэзии и сердцем понимал нашу мечту о возрождении».

А Шаул Черниховский так выразил свои чувства: «С его смертью мы, евреи, потеряли дорогую душу, близкую нам издавека, — одного из праведников мира, любителя еврейского языка, любителя нашей литературы, от древних её образцов до новых».

К этому трудно что-либо добавить.

Израиль, г. Хайфа